

ЛЕВ БРАНДТ

БЕРКУТЫ

В клетке величиной с небольшой двухэтажный дом жили пернатые хищники. Они часами неподвижно дремали на выступах засиженной бетонной скалы и, казалось, не видели ни спящих мимо людей, ни чахлах деревьев с запалёнными жёлтыми листьями, ни бледного, выцветшего неба.

В глубине их тусклых, будто сонных глаз навсегда застыли картины далёкого прошлого: угрюмые скалы, глубокие пропасти, искривлённые бурей могучие деревья, низкие тучи и небо, бездонное и синее.

Только красные коршуны со взъерошенными перьями вяло бродили по земле и кричали тонко, пронзительно, словно грозили плавающим невдалеке, таким же пленным лебедям, гусям, уткам.

Все пленники жили в этой клетке давно, свыклись с неволей, вели себя тихо, но изредка, словно увидев дурной сон, кто-нибудь срывался с места и, вцепившись когтями в стальную сетку, с размаху исступлённо бил по ней крыльями, пока, утомлённый, не падал вниз. После этого в клетке сразу же начинались ссоры и драки.

Собранные с разных концов света, с разными характерами и привычками, птицы гордо не замечали друг друга. Но чем дольше они сидели в неволе, тем раздражительней становились, и драки часто возникали, казалось бы, и без всякой причины.

Только две птицы никогда не принимали участия в общих ссорах и потасовках. Неподвижные и хмурые, сидели они на самой вершине бетонной скалы, полузакрыв большие, затуманенные глаза. Это были два самца беркута: когда младшего из них ещё не оперившимся птенцом вынули из гнезда, старший присидел в этой клетке уже более пятидесяти лет.

На тёмно-бурых плечах его уже тогда были белые перья — признак наступающей старости. С тех пор прошло десять лет. Светлое оперение младшего орла с возрастом потемнело и стало бурым, а белые перья на спине у старшего слились в одно большое пятно, занявшее оба плеча.

Теперь беркуты были разной расцветки, но судьба у них была одна — между птицами и небом



Лев Брандт. Середина 1930-х годов

навсегда повисла стальная сетка. Никто из них ни разу не поднимался выше макушки этой загаженной, сооружённой людьми скалы.

Но они, казалось, не замечали ржавой сетки. Спокойные и гордые, дремали они на скале, полураспустив крылья, как будто отдыхали после долгого полёта. Всё, что делалось в клетке, их не интересовало. Даже в минуту всеобщих потасовок они оставались задумчивыми и безучастными.

Но по временам они вздрагивали, тусклый их взгляд оживал, а в глазах загоралось холодное голубое пламя. Беркуты приподнимались, напрягали мышцы, шевелили крыльями, но не трогались с места, — это когда высоко в небе, трубя, курлыкая или гогоча, проносились косяки и цепочки разных перелётных птиц.

Птицы исчезали за городом, но беркуты ещё долго стояли, полураскрыв крылья, как будто собирались вот-вот взвиться кверху.

Иногда они видели, как в недоступной для человеческого глаза вышине следом за косяком, не делая ни одного взмаха крыльями, плыла по воздуху тёмная точка. В ней орлиный глаз без труда узнавал свободного родича.

В часы кормёжки птицы дрались постоянно. Первыми к мясу бросались коршуны. Они хватали самые большие куски, но редко успевали их унести. Пара серых грифов налетала на коршунов и отнимала мясо. Ближайший родственник грифов — чёрный, с голой головой и шеей и белым воротником кондор — вступал в драку с грифами за лучший кусок. Орлан-белохвост врезывался в гущу сражения и наносил удары направо и налево.

Но драка вдруг стихала, когда сверху один за другим падали беркуты. Раздавался пронзительный, короткий орлиный клёкот, и остальные хищники, забыв о голоде, ковыляя, торопливо отходили прочь. Беркуты не торопясь выбирали самый лучший кусок и, захватив его когтями, поднимались с ним на вершину скалы. Ни разу не было случая, чтобы они не поделили кусок.

Их дружба началась с тех пор, когда молодой беркут впервые попал в эту клетку и, спасаясь от преследовавших его грифов, взлетел на самую вершину скалы, во владение старого беркута, куда ни одна птица садиться не смела. С тех пор уже десять лет обе птицы держались вместе.

Был конец сентября.

На деревьях в саду ещё висели жёлтые листья. С утра на бледном небе появились прозрачные облака, похожие на растрёпанные седые космы. Облака эти не закрыли солнца, но оно побелело и стало холодным. Солнечные блики, скользившие по чёрной осенней земле, походили на блики лунные.

К вечеру подул северный ветер и ещё до темноты сорвал все листья с деревьев. Ночью начался шторм. На реке тревожно завывали гудки пароходов. Ветер колотил по железным крышам; казалось, что где-то непрерывно стреляют из пушек.

Звери забились в самые дальние углы и молчали. Только две гиены дико выли в темноте всю ночь, словно передразнивали ветер.

Огромная клетка с птицами шаталась и скрипела. Почти все пленники оставили в эту ночь свои насиженные места и укрылись за скалами с подветренной стороны. Только на самой вершине остались сидеть неподвижные, молчаливые беркуты.

Утром, когда загорелась заря, старый беркут открыл глаза, привычно повернул голову навстречу солнцу и замер. С тех пор как покинул гнездо, впервые не увидел он над своей головой сетки.

Старая, проржавевшая проволока лопнула, не выдержав ударов ветра, и теперь над самой головой беркутов зияла большая дыра. Оба орла как замороженные смотрели на свободное небо, но не трогались с места.

Так прошёл час, ещё час и ещё...

Взошло холодное, словно остывшее за ночь солнце. И только тогда служители зоосада увидели широкую дыру в куполе и двух беркутов, неподвижно сидящих на вершине скалы, словно охраняющих выход из клетки.

Быстро собрались люди, они принесли с собой пожарную лестницу и большой кусок брезента. Орлы не сделали ни малейшего движения, они, казалось, даже не замечали суеты внизу. Только когда работник уже забрался на клетку, старший орёл тряхнул головой, словно отогнал сомнения, подпрыгнул и очутился на воле. Следом за ним выскочил младший.

Несколько секунд они сидели в двух шагах от человека, потом разом взмахнули крыльями и, оттолкнувшись от клетки, поднялись в воздух.

Тяжело, неуверенно и часто махая крыльями, они пролетели немного и грузно опустились на вершину первого попавшегося дерева. Отдохнув, они опять поднялись и закружились над садом.

Утки и гуси в бассейне, увидев их, с криком бросились в разные стороны и попрятались под мостки. Но беркуты не обратили на них внимания, они кружились над садом, как будто не решаясь расстаться с местом, где прошла вся их предыдущая жизнь.

Наконец они поднялись выше и, высмотрев самое высокое в городе здание с золотым куполом, плавно опустились на толстый блестящий крест. Несколько раз они поднимались в воздух, кружились над городом — учились летать — и снова возвращались на место. Казалось, привыкнув к неволе и людям, они не могли улететь от них, даже получив свободу.

Заночевали они в огромном, сверкающем огнями городе. Ночью птицы не спали. Они следили за движущимися разноцветными огнями, прислушивались к гудкам автомобилей, часто вздрагивали и ерошили на шее перья.

Буря, бушевавшая двое суток, к утру стихла. Перед зданием, на котором заночевали орлы, лежала широкая площадь. Вокруг площади спешили на работу люди, мчались автомобили. Сама площадь была пустынна, только в центре её неподвижно стоял милиционер да неподалёку от него прыгала и шумела стайка воробьёв.

Беркуты равнодушно смотрели на площадь, на снующих вдали людей и не трогались с места. Вдруг они, оба разом, вздрогнули и слегка подались вперёд. На площади появилась большая рыжая кошка.

Увидев воробьёв, она припала к земле и медленно начала приближаться к стае. Воробьи суетились, ожесточённо галдели и не замечали опасности. Кошка всё ближе и ближе подкрадывалась к ним, каждую минуту готовая к прыжку.

Орлы, не спуская глаз, следили за кошкой сверху. Кошка прокралась у самых ног милиционера, но тот не обратил на неё внимания.

Воробьи заметили опасность, когда расстояние между ними и кошкой сократилось до метра. Стая шумно вспорхнула, а за ними, как подброшенная пружинной, вдогонку прыгнула кошка. Прежде чем она снова успела опуститься на землю, нечто похожее на большой бурый камень со свистом разрезало воздух, и в самом центре города, на глазах у людей, в двух шагах от милиционера невиданных размеров птица расправила крылья и, подхватив испуганно орущую кошку, поднялась с нею вверх.

Кошка кричала надрывно и билась в крепко схвативших её мохнатых лапах. Когти орла глубоко вонзились в кошачье тело, рвали внутренности; старый беркут описал круг и опустился вместе с добычей на крышу.

Как только кошка почувствовала под ногами опору, она, преодолевая боль, изогнулась, как змея, и впилась зубами в ногу беркута. Это был большой жилистый бродячий кот, привыкший к схваткам и умевший за себя постоять. Почувствовав смертельную опасность, он бешено защищал свою жизнь.

Беркуту, шестьдесят лет просидевшему в неволе, не удалось сразу с ним справиться. Окровавленный кот вырвался из его когтей и бросился удирать вдоль водосточного жёлоба. Ещё секунда — и он скрылся бы в слуховом окне. Но сверху его поджидал новый враг. Это был второй беркут. Он одной лапой вцепился в спину кота, а другой — ударил его по голове и сразу оглушил и ослепил жертву.

Кошка вскрикнула и умолкла.

Наевшись, беркуты долго сидели на краю крыши, полураспустив крылья, и блестящими глазами, без тени страха смотрели вниз на людей.

Затем младший взъерошил на затылке перья, громко крикнул и оттолкнулся от крыши. В этом крике впервые прозвучали сила, гордость и радость обрётённой свободы. Беркут закружился над площадью, легко и плавно уносясь ввысь.

За одни сутки орёл, выросший в неволе, научился летать. Медленно и мощно взмахивал он крыльями, потом широко расправлял их и парил бесконечно долго, не делая больше ни одного движения. Чуть-чуть колеблясь и ловя крыльями ветер, он поднимался всё выше и выше.

Старый орёл замер и не мигая наблюдал за полётом товарища. Потом он молча расправил крылья и тоже поднялся в воздух. Но недолго покру-

жился над площадью, быстро опустился на крышу, где ещё лежали остатки первой в его жизни добычи.

А младший, вычерчивая широкие круги, делался всё меньше и меньше, потом превратился в едва заметную точку и скоро совсем исчез из глаз. И уж тогда — медленно, не торопясь — поднялся в воздух белоплечий беркут.

Словно испугавшись холода в верхних слоях воздуха, он кружился над городом низко, то опускаясь на крыши, то снова поднимаясь кверху. Перед заходом солнца он взлетел ещё раз; сделав широкий круг над городом, он по спирали поднялся к облакам и замер там, как будто высматривая добычу. Но вдруг, сложив крылья, камнем полетел вниз. И мягко опустился на купол своей клетки.

Он сидел наверху своей клетки — бурый, неподвижный — и, как прежде, не обращал внимания на своих бывших сожителей. Только когда орлан-белохвост занял его место на скале, он расставил крылья и закричал, стараясь просунуть голову в сетку, чтобы согнать захватчика.

Ночью его пытались поймать. Но беркут грозно снялся с места и улетел в темноту, шумно махая крыльями.

Весь следующий день он кружился над городом и уничтожил на крышах несколько кошек. Каждый раз, расправившись с жертвой, он ерошил на затылке перья, поднимал голову и пристально всматривался в небо, как будто ждал, что там вот-вот появится его долголетний товарищ.

Ночевать он прилетел на клетку. Поймать его удалось только через неделю.

Очутившись в клетке, в которой просидел шестьдесят лет, он повёл себя так, будто впервые попал в неволю. Беркут забыл, что у него здесь есть своё привычное, насиженное место. Он жалобно кричал и бился о стальную сетку, пока не повредил себе крыло.

Старый служитель, всю жизнь проживший с пленными птицами и сам ставший чем-то похожим на птицу, долго наблюдал за ним и сказал, с сожалением покачав головой:

— Таковую птицу испортили! Раз птица волю узнала, никуда она теперь не годна. Всё равно пропадёт. А ей бы ещё жить да жить.

Но беркут вскоре пришёл в себя. Прыгая по уступам, он забрался на обычное место и замер, насупившись. Казалось, что служитель ошибся и что беркут смирился с потерей недолгой свободы. Хмурый, грузный, он сидел на вершине своей скалы, напряжённым взглядом смотрел не то на небо, не то на место в куполе клетки, где недавно была дыра.

Он каждый раз вздрагивал, когда мимо пролетала птица.

Ещё через неделю его нашли мёртвым.

Он лежал на спине, широко раскрыв крылья и повернув набок голову с толстым изогнутым клювом. Застывшим мутным глазом он смотрел на солнце.

Старый служитель долго смотрел на распростёртую птицу, потом вздохнул, поднял беркута и вышел с ним из клетки.